

Жюль Ренар

Дневник. 1887-1910 гг.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Ж97

Жюль Ренар
Ж97 Дневник. 1887-1910 гг. / Жюль Ренар – М.: Книга по Требованию, 2012. – 254 с.

ISBN 978-5-4241-1643-8

Французский писатель. Мастер лаконичной прозы и миниатюры. Самое известное произведение Ренара повесть «Рыжик» (1894), в котором он с необычайной глубиной анализа души героя показал трагизм столкновения детского мировосприятия с пороками буржуазного общества. Почти всю жизнь Ренар вел дневниковые записи. В посмертном издании «Дневника» (1917) содержатся записи 1887–1910 гг. Они поражают пристальностью наблюдений, яркостью изобразительных средств и меткостью характеристик.

ISBN 978-5-4241-1643-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Ренар Жюль
Дневник (1887-1910)

Жюль Ренар

Дневник

1887-1910

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ

Перевод с французского Н. ЖАРКОВОЙ и Б. ПЕСИСА

Составление и вступительная статья Б. ПЕСИСА

Примечания А. ПАЕВСКОЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Песис. Жюль Ренар и его время

ДНЕВНИК

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896

1897

1898

1899

1900

1901

1902

1903

1904

1905

1906

1907

1908

1909

1910

Примечания

ЖЮЛЬ РЕНАР И ЕГО ВРЕМЯ

22 февраля 1964 года исполнилось сто лет со дня рождения Ренара. Газета французских коммунистов "Юманите" отвела юбилею много места. Французской коммунистической печати, прогрессивной французской литературе и нашей советской критике мы обязаны воскрешением правдивого образа Жюля Ренара.

Еще в 1935 году, когда отмечалось 25-летие смерти Ренара, один из его друзей писал: "Трудно выразить словами, насколько преступным является тот заговор молчания, который составился против него". Критик Жан Фревилль так объяснял в "Юманите" этот заговор. "В пантеоне буржуазной литературы Ренар не занимает того места, которое заслужил. Да это и не удивительно. Произведения Ренара звучат как обвинительный акт против буржуазного общества, его уродства и грабежа. Пролетариат сохранит для себя творчество этого честного, проника-

тельного и бесстрашного писателя - мастера французского художественного слова. Ренар клеймил нравы буржуазии. Он был приверженцем социализма. Творчество Ренара принадлежит к большим ценностям культурного наследия. Созданное им заслуживает обнародования и исследования" ("Юманите", 14 октября 1935 года).

Сам Ренар в "Дневнике" просил будущих строителей его памятника сделать на нем надпись:

"Жюлю Ренару - его равнодушные соотечественники".

После выхода "Дневника" (посмертно, в 1927 году) о Ренаре стали писать, и немало писать, критики, историки литературы, мемуаристы. Обычно они не отрицают демократических корней этого писателя, охотно цитируют из "Дневника": "Я внук крестьянина, который сам ходил за плугом, и у меня на корнях еще осталась земля..." Не отрицают и новаторства Ренара и его реализма, признают творческие противоречия и трудную писательскую судьбу. Да и как не признать? Ренар ведь сам взял слово, чтобы объяснить себе и будущим своим читателям, как жилось ему и творилось "в стане притаившихся врагов". Что написано пером, того не вырубишь топором. И все же некоторые критики, правда не прибегая к столь грубому оружию, ухитряются дать произвольное толкование роли Ренара, "расщепляют" Ренара и на место реальных противоречий ставят искусственные. Ренара в его крестьянской ипостаси всемерно приближают к мужиковствующим, к какому-то забавному, салонно-безобидному толстовству; приписывают ему чисто эстетский интерес к крестьянским нравам; а Ренара в его парижском качестве подтягивают к завсегдатаям символистских кружков, к иступленным стилистам. Выходит, что Ренар не то мученик, не то фокусник слова; что он причастен к бывшему тогда в моде "японизму", то есть к стилевой ювелирщине: мол, совершенство, но зато "безмасштабность", чудотворец, но свои чудеса он творит "на кончике ногтя". Немало таких отзывов занесено в "Дневник". В итоге Ренара отрывают как раз от тех писателей прошлого и современности, которых он с любовью называет своей "литературной семьей": Лабрюйера, Мольера, Виктора Гюго, Мопассана, Золя.

Интересно не только то, что входит в легенду о Ренаре, но и то, о чем она умалчивает. Есть критики, комментирующие чуть ли не погодно страницы "Дневника", но не замечающие ни дружбы Ренара с виднейшим французским социалистом Жаном Жоресом, ни его сочувствия Эмилю Золя, как участнику кампании в защиту несправедливо осужденного капитана Дрейфуса. Между тем "Дневник" создает один из лучших литературных портретов Жореса, а запись, посвященная Эмилю Золя, не имеет равных себе по революционному запалу во всем "Дневнике", возвышается в нем огнедышащей горой.

Оставляя этого Ренара за пределами анализа, одни критики предпочитают подсчитывать излюбленные Ренаром эпитеты и глагольные формы, а другие ведут счет обрушившимся на Ренара ударам судьбы и этим объясняют его враждебность буржуазному строю.

"Дневник", открыто и прямо выражающий мысли и чувства Ренара, не допускает кривотолков. Он звучит как свидетельство писателя, беспощадно обвиняющего буржуазный мир, а слова Ренара "выход в социализме" подтверждают, что у него имелась своя, нелегко завоеванная, жизнеутверждающая позиция. Ренар говорил, что только при социализме он, как писатель, мог бы "стать кем-то", жить

"настоящей жизнью". Мы вправе считать его одним из родоначальников той большой литературной семьи, которая называется ныне прогрессивной литературой Франции.

1

Перед тем как послушать поучительный рассказ Ренара о себе и о своем времени, посмотрим, как сложилась его жизнь и писательская судьба.

Дед Ренара был крестьянином деревни Шитри-ле-Мин, то есть Шитри-Рудник в департаменте Ньевр. От существовавших здесь некогда серебряных рудников остались только подземные ходы, а также предание, будто отсюда вывозили свинец, требовавшийся строителям собора Парижской богоматери.

Дед Ренара, уважаемый в Шитри человек, видимо, был начитан. Когда маленький Жюль признавался, что завидует внукам Виктора Гюго, дед несколько не обижался.

Отец Ренара - Франсуа Ренар - ушел из Шитри на заработки и стал подрядчиком на дорожном строительстве; недолгое время он прожил в Шалон-сюр-Майен, где и родился Жюль-Пьер Ренар. Кроме Жюля, у Ренаров были еще сын и дочь. Накопив денег, Франсуа Ренар вернулся в маленькую коммуны Шитри уже женатым. Семейная жизнь его никогда не была счастливой. Жена, из мещанского круга, лицемерная и эгоистичная от природы, превратилась под влиянием священников в ханжу с замашками садистки. Она умела отравлять жизнь близким, особенно Жюлю, родившемуся в годы, когда супружеское согласие Ренаров разладилось. Франсуа Ренар, в рассказах его земляков, - крепкий, рыжебородый человек, обычно нелюдимый, суровый. Он не прощал малейшего отступления от строгой и патриархальной крестьянской морали, не выносил лжи, особенно той ее разновидности, какая насаждается религией. С сыновьями в их детские годы он обычно общался в дальних охотничьих и рыболовных походах, где их не мог настигнуть недобрый взгляд г-жи Ренар. Но отец не умел защитить Жюля от иезуитских ухищрений угнетательницы, которая любила сама выступать в роли жертвы. Недаром в "Рыжике" есть горький афоризм: "Не всякому посчастливится быть сиротой".

Родители Жюля Ренара умерли при тягостных обстоятельствах. Отец не вынес угрюмого одиночества, старческих недугов и, лежа в постели, выстрелил в себя из охотничьего ружья. Первое издание своих "Буколик" (идиллическое название беспощадно правдивой книги о жизни крестьян) Жюль Ренар посвятил Франсуа Ренару, "который был мудрецом".

Мать Ренара в последние годы жизни, по-видимому, была на грани умопомешательства. В одну из своих дурных минут она упала в колодезь. По некоторым показаниям биографов можно заключить, что и тут было самоубийство.

Но вернемся к детским годам Ренара. Девятилетний Жюль и его брат были отправлены в город Невэр, административный центр департамента Ньевр. Учились в лицее, а жили в пансионе господина Ригаля, которого Ренар запомнил как внимательного и неглупого воспитателя. В 1881 году, семнадцатилетним юношей Ренар переехал в Париж для продолжения учения. Еще в Невэрском лицее Жюль отказался произнести речь в честь директора, о чем сообщил в письме отцу в следующих выражениях: "Нужно совсем лишиться чувства собственного достоинства, чтобы забыть, что слова должны служить нам только для выражения правдивых и искренних мыслей". Педагоги Парижского лицея также

не понравились Жюлю, а он им. Лицейский словесник находил, что сочинения Жюля Ренара "тяжелы, перегружены, напоминают немецкий слог". Пытаясь острить, гимназический стилист сравнивал фразу Ренара - а Жюль и тогда уже любил потрудиться над фразой - с формулами врачей и фармацевтов. Впоследствии Жюль Ренар с гордостью вспоминал этот отзыв, находя в нем признание ясности и точности своего стиля.

Поступая в лицей, Ренар надеялся подготовиться к экзаменам в Эколь Нормаль - известный педагогический институт, из которого вышло немало образованных молодых людей, оставлявших педагогику и философию ради литературы. Но затем Ренар отказался от Эколь Нормаль, ограничившись средним образованием. Не хватало средств, а рано начавшаяся литературная деятельность не поправила материального положения Ренара.

Парижская юность Ренара вплоть до женитьбы (он женился в двадцать четыре года) прошла в непрерывных поисках работы, в унижительных канцелярских занятиях. Пересиливая себя, он просит денег то у отца - на что решался редко, то у замужней сестры Амелины; к ее помощи приходилось прибегать чуть ли не каждый месяц. При этом он не забывал объяснить: без свежих перчаток и модного галстука не явись ни в приемную депутата, избранника родного департамента, ни даже в канцелярию угольной компании или компании по эксплуатации недвижимого имущества. И тут и там Ренара обманывали по многу месяцев, прежде чем ему досталась должность регистратора-контролера. Отец присылал тридцать пять франков в месяц, из которых третья часть шла на оплату жалкой конурки. Своими жизненными удачами Ренар считал в то время, во-первых, гувернерство при детях некоего господина Лиона, хотя тот забывал ему платить, и, во-вторых, случайную работу на приморском курорте Барфлер. Какой-то делец поручил начинающему литератору написать книжку о мебели и предоставил в его распоряжение дачу в Барфлере. История этой литературной поденщины послужила канвой для единственного опубликованного Жюлем Ренаром при жизни романа "Паразит".

Молодой Ренар писал и печатал очерки, рассказы, миниатюры, которые впоследствии вошли в сборники "Рассказы о моем крае", "Ясный глаз", "С потайным фонарем". Первоначально он посылал их в газеты Ньевра. Жизнь Ренара и творчество так неразрывно связаны с его "малой родиной", что нельзя не рассказать о ней читателям дневника.

В феодальные времена земли Ньевра с богатыми заливными лугами по берегам Луары находились в монастырском владении. Позже сюда пришли, отвоевавшись в дальних походах, дворяне; воздвигались замки, новые церкви.

Главным занятием луарцев испокон века была рубка леса, сплав по Луаре. Классическая земля художников, бунтарей, "своевольных" мужиков, острых на язык, с ясной головой... Читая о них I, вспоминаешь знаменитого роллановского "курилку" - Кола Брюньона. Кламси, откуда родом Кола Брюньон, находится в северной части того же департамента Ньевр. Ренар любил на прогулках добираться до Кламси, выступал там с лекциями для крестьян.

I В частности, в книге Анри Башлена о Жюле Ренаре.

С детских лет жители Ньевра привыкли стоять рядом с отцами в лесу и на плотях. В хрониках Великой французской революции 1789 года упоминается о том, как "эти ужасные сплавщики и плотогоны из Ньевра, привыкшие орудовать

багром и секирой", добрались до Парижа и, угрожая дубинами, добивались выдачи им на расправу чиновников и владельцев дровяных складов, по вине которых жили впроголодь. Республиканские традиции дали себя знать в дни государственного переворота, совершенного Наполеоном III 2 декабря 1851 года. Из книг Ренара видно, что и позже, когда "республиканская партия" стала в значительной мере партией провинциальных либералов, в народе продолжало жить упрямое угрюмое бунтарство. Подогревались эти чувства крайней бедностью, нищетой, укрытой в маленьких крестьянских домиках. Городки и деревни Ньевра не очень изменились за долгие десятилетия. Книги можно было достать только на железнодорожной станции. Редко кто выписывал прессу из Парижа. Жюль Ренар - внук крестьянина и сын мелкого деревенского рантье - понимал, сколь бессмысленно хождение в народ, носившее во французских условиях безобразно филантропический характер. Он не был похож и на своего земляка, также писателя из крестьян, Клода Тийе, который совмещал социалистические симпатии с христианскими утопиями. В молодом Ренаре революционные традиции оборачивались стихийным бунтарством. В зрелые годы он стал социалистом, "естественно примыкая и разумом и чувством к делу трудящихся" ("Юманите").

Леон Гишар, лучший исследователь творчества и биографии Ренара, рассказывает: "В 1902-1903 годах он вел своего рода войну за социалистическую республику, против помещиков и священников, за светскую школу, против конгрегаций, за мир, против войны. Будучи дрейфусаром, Ренар испытал на себе влияние Жореса; преображенный своим долгим пребыванием в среде крестьян, он страстно увлекся в последние годы своей жизни республиканскими и социалистическими идеями".

Мудро оценивал Ренар и силу революционных традиций, и почти полную их истощенность в буржуазной среде. "Стендалю казалось, - читаем в "Дневнике", - что он задыхается от буржуазной ограниченности. Побывал бы он в Кламси!"

Гишар, конечно, прав, связывая идейное развитие Ренара с дрейфусарством. Но, как всегда, и в те годы общественное движение по-разному преломлялось в сознании разных людей. Для многих писателей пример Золя был прежде всего примером выполнения своего писательского долга. И даже людей равнодушных взволновал поступок Золя, который был известен прежде всего как писатель, как "кабинетный человек" и вдруг - восстал!

Для Ренара в оценке поступка Золя не существовало тех проблем, которыми холодно увлекались эстеты. Они были шокированы "отступничеством" Золя от заповедей чистого искусства, иными словами, его служением народу. А Жюль Ренар увидел в авторе "Я обвиняю!" единомышленника, который помог осознать то, что нарастало в душе задолго до "дрейфусады".

"Всеобщий и обязательный хлеб...", "Разбудить все эти деревни" - это записывалось в "Дневнике" еще до выступления Золя. А мысль взяться за общественные дела в деревне приходила Ренару также лет за десять до того. Движение дрейфусаров действительно стало гранью в развитии Жюля Ренара, но в дрейфусарстве, как известно, были наряду с прогрессивными сторонами также и свои слабости. Не вспомнив о противоречивости дрейфусарства, нельзя понять и его сложное воздействие на Ренара, как оно отразилось в "Дневнике".

Ленин, единственный, вскрыл диалектику этой общественной драмы, о которой во Франции написаны горы книг. Дрейфусарство, указывает Ленин, могло

стать толчком к революционным событиям, но оно само пресекло созревание революционной ситуации. Анализируя это противоречие, Ленин объясняет его субъективным фактором, действиями социалистов, включая даже Жореса, которые ограничили, сковали дрейфусарство. Вместо того чтобы, используя общественный подъем, отстаивать интересы пролетариата, социалисты проявили излишнюю заботу об устоях буржуазной республики 1.

Помня исчерпывающий анализ Ленина, можно понять впечатление, которое слова и дела дрейфусаров производили на интеллигенцию, на писателей. Как раз наиболее прогрессивно настроенные, ожидавшие революционного катаклизма интеллигенты восприняли крах дрейфусарства, переход некоторых его лидеров с антиправительственных трибун в министерские кресла, как некую неудавшуюся революцию.

Ренар, взволнованный выступлением Золя, писал в "Дневнике" :

"Я заявляю, что почувствовал внезапный и страстный вкус к баррикадам, и я хотел бы быть медведем, чтобы свободно орудовать самыми тяжелыми булыжниками. Раз наши министры плюют на республику, заявляю, что, начиная с сего дня, дорожу республикой, и она вызывает у меня уважение и нежность, как никогда раньше... Золя... нашел смысл своего существования, и он должен быть благодарен своим жалким судьям за то, что они подарили ему год героизма" 2.

1 См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 268, т. 10, стр. 25-26 и т. 41, стр. 82-83.

2 Ренар имеет в виду решение суда, приговорившего Золя к году тюремного заключения.

Когда движение сникло, Ренар испытал глубокое разочарование. Он понимал, что либерализм, так сказать, сдал на хранение властям свои крылья и наступила тошнотворная "эра малых дел". Отсюда неприязнь Ренара (многократно отраженная в "Дневнике") к либеральному народолюбию, в чем бы оно ни проявлялось - от псевдонародного театра в Париже до благотворительности в пользу крестьян, шедшей из помещичьего замка в Шитри.

Будучи избран мэром (в 1905 году), Ренар еще яснее увидел, какие жесткие пределы ставит его деятельности провинциальное одиночество, а главное, сама природа Третьей республики. Буржуазия откровенно мечтала о "сабле" в руках "сильного человека", говоря словами Золя.

Когда Ренар в "Дневнике" иронизирует над собой, как над "карманным Дон-Кихотом", бессильным побороть социальную несправедливость, мы воспринимаем это не как "саморазоблачение", а прежде всего как обличение лицемерия Третьей республики. Характерно, что и в своих спорах с социалистами Ренар также критиковал "робость" их тогдашней политики. Когда социалист Вадез предложил ему баллотироваться по списку его партии, Ренар ответил: "Нет, не слова меня пугают, и вы, дорогой Вадез, проявили в Шитри такое почтительное отношение к крестьянской собственности, которого у меня нет уже давно... Примкнув, я, пожалуй, сумел бы сказать только неприятное вашим друзьям, которым иногда не хватает кругозора".

Просветительская работа Ренара в деревне также резко отличает его от лекторов благотворительного толка. Своих слушателей Ренар делит на два лагеря: народ и "буржуазные враги". Из Шомо после доклада о Мольере он пишет жене: "Какая публика! Какое невежество! Я не говорю о рабочих и крестьянах эта часть

аудитории, народная часть - хороша".

Популярность Ренара-просветителя объяснялась тем, что он в шедеврах французского искусства отыскивал их "живую жилку", считал, что, служа идеям социализма, он не просто союзник Жореса, но и преемник великих философов и писателей.

В "Дневнике" записаны следующие строки из речи Жореса: "Пролетарий не забудет человечества, ибо пролетарий несет его в себе. Он не владеет ничем, кроме своего звания человека. С ним и в нем звание человека восторжествует".

2

Критики признают неприятие Ренаром искусства, чуждого живой жизни, но любят подчеркивать особенность, исключительность, в конечном счете случайность его позиции. "Крестьянин Ренар, безжалостно врезавшийся своим острым серпом в заросли прописных букв... в самой цитадели... заоблачного символизма" 1, напоминает чудотворца или героя мифа.

1 Слова Леона Гишара.

Но в мифологических картинах есть своя логика: если на поле битвы остался один воин, перед которым отступает целый сонм врагов, то, в объяснение чуда, над полем клубится облако, а за ним полускрыты попечители и заступники воина - олимпийские боги. Нужно, чтобы и Ренар перестал быть одиноким солдатом, богатырем, растаптывающим змею декадентства, чтобы он предстал не только в окружении врагов, но и бок о бок с теми, кто помогал ему сражаться, и с теми, кто сражался до него. Внести такую поправку - это значит напомнить, что уже задолго до дебютов Ренара шла борьба между "заоблачной литературой" и литературой "жизненной правды", наследником которой чувствовал себя Ренар. Достаточно напомнить несколько дат из истории Франции - 1848, 1851, 1871 годы, чтобы увидеть истоки дифференциации в лагере литературы.

Еще в конце 50-х годов развернулась дискуссия между Шарлем Бодлером и Виктором Гюго.

Виктор Гюго соглашался, что Бодлеру в его лучших произведениях удавалось создать "le frisson nouveau" - "новый трепет". В наиболее живучих стихах Бодлера действительно улавливаются какие-то новые чувства лирический след пронесшихся над Францией революционных бурь, воспринятых Бодлером в атмосфере общественного подъема. Бодлер противопоставлял мечту о красоте, о чистоте - буржуазному свинству, торгашеству, в частности протестовал против "американизации" французской жизни. И это признавали Флобер, Гюго. Но Гюго понимал также, что в Бодлере жил и другой трепет страх перед революционным движением. Этот страх погнал Бодлера вспять и вернул его на позиции искусства для искусства. Он стал искать компромисса с правительством Наполеона III.

Виктор Гюго писал Бодлеру:

"Ваше предположение верно. У меня действительно есть с Вами разногласия. Я понимаю всю Вашу философию (ибо, как во всяком поэте, в Вас живет философ...), но я сохраняю свою философию. Я никогда не говорил: искусство для искусства, - я всегда говорил: искусство для Прогресса. В сущности, это то же самое, и Ваш ум слишком проникателен, чтобы Вы могли не чувствовать это. Вперед! Так говорит Прогресс, и о том же кричит Искусство. В этом весь смысл поэзии. *"Ite!"* 1 Разве не это вы делаете, когда пишете "Семь стариков" и "Ма-

ленькие старушки", стихи покоряющей силы... Именно это. Вы идете. Вы идете вперед. ...Но... поэт не может продвигаться один. Нужно, чтобы двигался человек. Итак, шаги человечества суть шаги искусства. Итак, слава Прогрессу".

1 "Идите!" (лат.)

Письмо это бросает свет на предысторию той литературной борьбы, которую застал в Париже молодой Жюль Ренар. Она, эта предыстория, показывает, что за тридцать лет изменилось многое, произошли определенные сдвиги.

Между тем, игнорируя сложности и противоречия этих десятилетий, многие критики - представители идеалистической эстетики - растворяют и писателей-реалистов и писателей-декадентов в потоке якобы единой антибуржуазной литературы по формуле "от Бодлера до сюрреализма". На другом фланге вульгарные социологи сталкивают в сплошной поток декадентства разных писателей, действовавших в разные периоды развития кризиса буржуазной литературы, и также приходят к внеисторическим представлениям. Перефразируя строфу Гете, можно сказать, что критики этих двух пород ухитряются дважды, трижды входить в одну и ту же живую реку - как будто она замерзла и оставалась недвижимой с конца 50-х и до начала 80-х или 90-х годов. При таком подходе нельзя понять отношение Ренара к декадентству. Почему лозунг "антибуржуазности", который использовался декадентами и, казалось, должен был привлекать молодого литератора-демократа, начинавшего свою деятельность с острого осмеяния буржуа, - почему этот лозунг был взят Ренаром под столь сильное подозрение? Снова чудо? И почему, если были проявлены Ренаром такие чудеса прозорливости, он все же оказался в "цитадели символизма"?

Все дело в том, что ко времени прихода Ренара в литературу, в 80-х годах, антибуржуазность, индивидуалистический бунт, шедшие от Бодлера, реальные у него, хотя и полные противоречий, были исчерпаны. Как увидим дальше, это ощутил Ренар, и не он один; по-иному, как разочарование, ощутили это также те представители символистской школы, которым суждено было увидеть начало ее агонии; и, наконец, опять-таки по-иному осознавали это так называемые "проклятые поэты" - "les poètes maudits": Лафорг, Корбьер. Оба они это осознание, эту свою "самокритику" тщетности эстетского бунта сделали существенной темой своей поэзии. Такова диалектика, объясняющая трагически-правдивые мотивы поэзии Корбьера, Лафорга. У Лафорга звучит плебейский протест против нищеты народа и самодовольства мещанства, сближающий его с шансонье - народными певцами Парижа.

Но, конечно, не они, а Рембо, шестнадцатилетний поэт, влюбившийся в Парижскую коммуны, поднялся от бунта до высот революционной поэзии, начав с великолепной учебы у Виктора Гюго.

Когда Ренар приехал в Париж, он увидел на авансцене парижской литературы не Лафорга и не шансонье. Под истрепанным знаменем "антибуржуазного бунта" там шумели всевозможные мистики, спириты, бесноватые.

Друг, а позднее биограф Ренара - Эрнест Рейно так описывал "священнодействие магов и оккультистов": "Пеладан учреждал салон "Розы и Креста"... Лоран Тайад внушал нам мистический пыл и отвращение к Хаму, Шарль Морис проповедовал евангелие красоты... Эдуард Дюбюс, облаченный в астральные флюиды, вызывал души фараонов... ученики Станислава Рюэ толковали Кабалу... Признаться, я не знал, как я сумею представить этим всадникам облаков терпе-